

Глава 16

Щёки слегка надулись, уголки губ напряглись — ямочки, которые обычно то проступали, то исчезали, пропали вовсе.

Злится.

После того как «помощь» помощника Линя была оказана в полной мере, Сяо Хан почти с уверенностью пришёл к определённом выводу.

Хан Сычжоу, вероятно, потерял память. Забыл, что их брак — по договору, и теперь искренне верил, что между ними именно то, о чём говорят снаружи, — всё хорошо.

Судя по нескольким странным эпизодам последних дней, Сяо Хан склонялся к мысли, что Хан Сычжоу лишился воспоминаний за годы их совместной жизни.

Но реакция Хан Сычжоу прямо сейчас говорила об обратном.

Сяо Хан мысленно поморщился и сдвинул отправную точку ещё дальше в прошлое.

«Ещё и по девчонкам вздыхает. Лет восемнадцать-девятнадцать, пожалуй».

Восемнадцать-девятнадцать...

Сяо Хан чуть прищурился.

Восемнадцать-девятнадцать лет.

Он неожиданно потянулся в обратную сторону, обнял тонкое плечо стоявшего рядом и, глядя ему в лицо, проронил:

— Красивый.

Светлые зрачки мгновенно сузились — опасная щёлочка.

Хан Сычжоу уже открыл было рот, но мужчина перед ним вдруг дёрнул уголком губ:

— Тот, что у меня перед глазами, — очень красивый.

Закипевший было гнев мгновенно опал.

Чёрт.

Что сегодня нашло на Сяо Хана? Сначала в машине завёл разговор о розах с помощником, теперь вдруг говорит такое — такую всякую чушь!

Он что, жить устал?

Хан Сычжоу подавил порыв оттолкнуть эту ненавистную физиономию:

— Ты... ты не мог бы...

Договорить не успел — Сяо Хан кивнул подбородком в сторону женщины с ребёнком, медленно идущей к ним издалека:

— Какая старая любовь. Это кто ещё такая?

Острый взгляд скользнул по Хан Сычжоу сверху вниз:

— Знаком с ней?

Хан Сычжоу: «...»

Да чёрт возьми, как так вышло, что в щекотливом положении оказался он сам, а не кто другой.

С того момента, как они прислонились друг к другу, камеры уставились на них в упор — операторы старались не упустить ни малейшего движения между двумя. Пара «Хан-Чжоу» гремела в сети, но в кадре они появлялись вместе лишь на нескольких фотографиях да в мелких бытовых зарисовках из микроблога Хан Сычжоу. Впервые увидеть обоих живьём — это событие. Пусть съёмки и шли для семейного шоу, никто из группы не упустил возможности самозабвенно шипперить любимую пару.

Столпотворение привлекало взгляды — и, разумеется, обратило на себя внимание Цзян Жун, до этого занятой разговором с ребёнком.

Увидев Хан Сычжоу и Сяо Хана, молодая женщина на миг опешила.

Но тут же подтянула ребёнка за руку и направилась к ним.

Хан Сычжоу завозился, пытаясь стряхнуть руку Сяо Хана с плеча.

Куда там — чем сильнее он дёргался, тем крепче тот его держал. Хан Сычжоу одарил его красноречивым взглядом, мысленно махнул рукой и временно отступил.

Цзян Жун уже стояла перед ними.

В глазах светилась искренняя радость:

— Когда приехала, работники сказали, что вы будете. Я решила — шутят, а вы и правда здесь!

Ей не было ещё тридцати, она стала матерью, а всё равно почти не изменилась с тех школьных лет. Чёрные волосы рассыпались по бокам, длинное платье, почти никакой косметики — когда улыбалась, от неё будто веяло весенним теплом.

Хан Сычжоу слабо улыбнулся, уже собираясь что-то сказать, как рука на его плече вдруг сжалась крепче. До боли.

Не дашь же кому-то пощёчину на людях. Хан Сычжоу стерпел, согнал выражение с лица и сдержанно произнёс:

— Да, приехали с ребёнком — отдохнуть немного.

Цзян Жун приветливо прищурилась:

— И мой говорит то же самое.

При слове «мой» Хан Сычжоу невольно оглянулся:

— Твой?

Что-то мелькнуло в её глазах и сразу же погасло.

Подошедший сотрудник группы тихо пояснил:

— Госпожа Шэнь ещё не закончила съёмки. Она приедет завтра.

Хан Сычжоу нахмурился:

— Разве участие в передаче — это не тоже работа?

Цзян Жун поджала губы и покачала головой: не надо.

Рука на плече сдавила ещё крепче.

Чужие дела Хан Сычжоу особо не занимали никогда. Он приподнял бровь, равнодушно отвёл взгляд — и остолбенел.

Хуан Ян неспешно шагал в их сторону, волоча за собой явно недешёвый чемодан.

Следом шёл мужчина на полголовы выше — жилистый, грубоватый, с ребёнком на руках. Узлы мышц поблёскивали на островном солнце, отчего Хуан Ян рядом с ним казался особенно хрупким.

Глаза у Хан Сычжоу округлились.

Кто мог подумать, что пианист, которого он обожает — всегда, всегда, всегда, — окажется участником того же семейного шоу.

Как преданный фанат, Хан Сычжоу, разумеется, собрал о своём кумире всё, что только было доступно. Хуан Ян женат, их ребёнку чуть больше трёх лет — помладше Сяо Чжихань.

Хан Сычжоу немедленно высвободился из рук, державших его, выпрямился во весь рост и уставился на Хуан Яна с нескрываемым восторгом.

На этот раз — будь что будет, а подписанное фото он получит!

Цзян Жун заметила: мужчина, который с самого её появления не произнёс ни слова и почти не менял выражения лица, вдруг прищурился.

Воздух вокруг разом натянулся.

В этот момент подросла последняя семья.

Тоже женская пара: сдержанная, с властными манерами сценаристка Лян Фань и её спутница — воспитательница детского сада Сюй Лин. Обе вели за руки обаятельного мальчишку примерно одного возраста с Сяо Чжихань. Увидев девочку, тот немедленно радостно подбежал к ней и с улыбкой представился:

— Привет, сестрёнка! Я Лян Лэ.

Сяо Чжихань охотно откликнулась:

— Брат Лэлэ!

Вокруг засмеялись.

Когда все собрались, режиссёр, совмещавший роль ведущего, тут же подошёл и запустил съёмку.

Хан Сычжоу с сожалением покосился на Хуан Яна — тот стоял чуть поодаль, опустив взгляд под солнечной шляпой.

Жаль, хотелось перекинуться хоть парой слов с кумиром.

Ничего, шоу совместное, снимать будут долго — случай ещё представится.

Поглощённый мыслями о Хуан Яне, Хан Сычжоу так и не заметил, что с момента появления пианиста взгляд Сяо Хана ни на секунду не отрывается от него. Тёмные глаза темнели всё глубже.

«Отправимся в путешествие вместе» — в каждом выпуске четыре варианта жилья с разными условиями. Кто победит в небольшом состязании сразу по прибытии, тот и занимает лучший домик.

Ведущий указал рукой на соломенную хижину на склоне холма — рядом с ней, как и было обещано, раскинулось несколько суходольных полей. На острове таких было немного: солнца здесь с избытком, влага испарялась стремительно, и полям требовалось куда больше воды, чем обычно.

— По изначальному плану мы хотели предложить родителям посоревноваться: кто первым прорубит ирригационные канавки на поле бабушки Сан — тот получает лучшее жильё. Но кинодива Шэнь ещё не добралась до нас, состав неполный. Предлагаем просто тянуть жребий.

— Да что за скука, — выступил вперёд жилистый муж. — Давайте всё-таки посоревнуемся.

Ведущий замялся:

— Понимаете, мы изначально договаривались: от двух женских семей участвуют обе, от двух мужских — по одному человеку. Если от каждой семьи брать по одному участнику, это будет несправедливо по отношению к мамам, разве нет?

— Легко решить, — отмахнулся тот. — Дамы тянут жребий и делят между собой два варианта, мы — соревнуемся. Кто выкопает больше, тот живёт получше.

Он обернулся к Хан Сычжоу:

— Не возражаете?

Хан Сычжоу оторвал взгляд от Хуан Яна и вздёрнул подбородок:

— Никаких возражений.

Жилистый ухмыльнулся:

— Мой Янян в поле, ясное дело, не полезет, так что я один беру оба участка.

Хан Сычжоу: «?»

— Кто у вас пойдёт на другие два?

В воздухе явственно запахло порохом.

Чёрт, и этот мускулистый будет на него смотреть свысока?

Хан Сычжоу немедленно выпрямился:

— Разумеется, мой...

Он схватил руку стоявшего рядом мужчины и воздел её вверх:

— Любимый, конечно же! Ми-луй, ты же не подведёшь меня?

Сяо Хан: «...»

Сяо Хан к этому сезону фактически стал главным спонсором, и режиссёр-ведущий прекрасно это знал — а потому тут же вмешался:

— В общем-то, нас всего двое, мне кажется, одного участка будет достаточно...

— Нет-нет, договорились — два участка, значит два. Как иначе подавать детям достойный

пример? — Хан Сычжоу с лукавым видом вскинул изящный подбородок в сторону Сяо Хана. В уголках глаз плескалось откровенное озорство. — Правда ведь, милый?

Ведущий, искренне желавший облегчить жизнь Сяо Хану: «...»

Сяо Хан поднял голову, поймал вызов в чужих глазах. Усмехнулся:

— Мой муж совершенно прав.

С этим он взмахнул рукой — совсем как жилистый незнакомец — и скинул рубашку, оставшись в майке. Подхватил лопату и зашагал к полю у хижины.

Солнце клонилось к вечеру, но островной зной ничуть не ослаб.

Оба не успели долго покопаться в земле, как майки уже промокли насквозь.

Ведущий без умолку болтал со всеми остальными и затеял с детьми игру в загадки.

Хан Сычжоу же ни на что не обращал внимания — всё его внимание было намертво приковано к мужчине на поле.

Сяо Хан в школе сидел над книжками, после выпуска — пропадал на работе. С рождения до сегодняшнего дня к земле, наверное, ни разу не прикасался.

Ему вдруг вздумалось копать огород — как бы чего не вышло.

Хан Сычжоу запоздало пожалел о своём решении.

Когда режиссёр предложил ограничиться одним участком, надо было соглашаться, а не упираться из упрямства.

Взгляд его не отрывался от Сяо Хана.

Мужчина наклонился — поясница изогнулась резкой, чёткой линией. Каждый удар лопаты приводил в движение мышцы плеча, снова и снова, без остановки.

Хан Сычжоу смотрел — и вдруг перед глазами промелькнула совсем другая картинка.

Мужчина склоняется над ним, руки упёрты по обе стороны, мышцы напрягаются и расслабляются...

Так же. Снова и снова. Без паузы.

Мужчина стоял далеко, но горло у Хан Сычжоу пересохло, и по телу разлилось непонятное жаркое беспокойство.

Наверное, просто морской ветер слишком сильный. Вот и не по себе.

Хан Сычжоу с усилием отвёл взгляд — как раз ведущий обратился к нему, и он с облегчением переключился на детей и игру.

К общему удивлению, Сяо Хан — тот, кто производил впечатление куда более «хлипкого», — состязание выиграл. Когда он заканчивал последнюю канавку, жилистый соперник едва одолел половину второго участка.

Разумеется, из двух оставшихся деревянных домиков им достался тот, что получше.

Попрощавшись с остальными семьями, Сяо Чжихань схватила обоих пап за руки и скачущим шагом потащила к домику, где предстояло провести следующие два дня. После соревнования, да ещё обзаведясь ровесниками-приятелями, она уже ничуть не стеснялась, как поначалу, и без умолку расспрашивала Хан Сычжоу, чем они займутся вечером.

Сяо Хан — весь в земле, от рук до брюк — коротко бросил «сначала душ» и скрылся в ванной.

Как обычно, дверь он прикрыл лёгким, небрежным движением.

Только здешняя дверь разительно отличалась от домашней: от такого касания она и не думала закрываться, оставив широкую щель.

Что-то словно подтолкнуло его. Хан Сычжоу неслышно подошёл к двери и заглянул внутрь.

Мужчина только снял верхнюю одежду, открыв крепкие плечи, широкую спину и поджарую талию. Бросил грязную рубашку на пол; руки переместились к поясу — судя по виду, принялся расстёгивать ремень.

Хан Сычжоу сглотнул.

В этот момент сзади послышался голос девочки.

— Папа.

Он вздрогнул от неожиданности, инстинктивно потянулся к двери ванной и прикрыл её — и

лишь тогда обернулся:

— Что случилось?

— Папа, можешь принести мне полотенце?

Первый порыв — отказать.

Здесь слышимость была неплохая: уже доносилось тихое журчание воды.

Сяо Хан, судя по всему, успел раздеться и встал под душ.

Если он сейчас зайдёт туда —

Картина с расстёгиваемым ремнём снова мелькнула перед глазами.

Хан Сычжоу сделал судорожный глоток.

Опустил взгляд на Сяо Чжихань, сидевшую на кровати.

Ноги у девочки, белые и пухленькие, были забиты песком и грязью — действительно надо вытереть.

Ладно.

Не то чтобы он ничего никогда не видел. Да и вообще — всё уже трогал.

К тому же заходит он не подглядывать — просто взять полотенце для Сяо Чжихань.

Убедив себя таким образом, Хан Сычжоу встал, ещё раз строго наказал девочке сидеть смирно, подошёл к ванной, небрежно постучал — и скользнул внутрь.

В ванной густо клубился пар, воздух был влажным и душным.

Сяо Хан уже стоял за шторкой под душем.

Сквозь полупрозрачную ткань угадывались плавные линии тела — расплывчатые, скрытые. По какой-то необъяснимой причине этот намёк без подробностей производил куда более волнительный эффект, чем всё явно увиденное прежде.

Мужчина вдруг поднял руку, снял со стены лейку и принялся смывать. Движение выдало всё: чёткий абрис груди, плоский живот, а ниже...

Словно от чего-то пугающего, Хан Сычжоу в три шага добрался до дальней полки, не глядя цапнул что-то красное и, зажав в кулаке, спешно двинулся к выходу.

— Подглядывал?

Голова Сяо Хана уже высунулась из-за шторы — непонятно, с каких пор.

Хан Сычжоу застыл. Кровь прилила к лицу.

Несколько секунд спустя он наконец вспомнил, зачем, собственно, пришёл, и вздёрнул то, что сжимал в руке:

— Кто на тебя смотрит! Я пришёл взять полотенце для Сяо Чжихань!

Сяо Хан опустил взгляд на его руку.

— Но в руке у тебя — мои трусы.

<http://bllate.org/book/18323/1756544>